

Чэнь Цинъянь разразился проклятиями, обвиняя оппонента в бесчестии: тот сначала украл его тушь, чтобы заложить в ломбарде, а когда его великодушно простили, оплатил подлейшим ударом — спрятал шпаргалку в его кисти, лишив возможности продолжать путь по пути чиновничества.

Чжан Шицю, впрочем, тоже не был кроткой овечкой. Он язвительно парировал, что дело не в кознях, а в недостатке таланта, и не стоит сваливать вину за собственное мошенничество на других.

— Смеешь ли ты поклясться перед Небесами, что не ты подложил ту шпаргалку в кисть? — в ярости вскричал Чэнь Цинъянь. — Солжётся — вовек не сдашь на цзюйжэня!

Клясться тот, разумеется, не осмелился. Он лишь скривил губы в фальшивой усмешке.

— Все эти слова — лишь жалкая попытка сохранить лицо, Цинъянь. Шпаргалку нашли в твоей экзаменационной корзине. Скрывал ли ты её сам, мне неизвестно, но одно я знаю точно: в этой жизни тебе больше никогда не участвовать в государственных экзаменах.

Эти слова стали последней каплей. Вне себя от гнева, юноша бросился на обидчика с кулаками.

Окружающие тут же кинулись их разнимать, но Чжан Шицю, уловив момент, швырнул в противника чайную чашку. Тяжёлый, толстостенный фарфор угодил ему прямо в лоб, рассекая кожу. Хлынула кровь.

Выслушав этот рассказ, Ван Ин всё понял.

«Теперь всё ясно, — подумал он. — Вот почему он последние дни ходил сам не свой. Такое пережить — и ни словом не обмолвиться!»

Сердце его одновременно сжималось от боли и гнева.

— Возвращайся к себе, — сказал он Цинсуну. — И в ближайшие дни сиди дома. И чтобы при брате ни слова об этом сюэе Чжане.

— Хорошо...

Вернувшись в спальню, он увидел, что Чэнь Цинъянь по-прежнему лежит с закрытыми глазами. Не то спит, не то просто не хочет никого видеть.

— Матушка, третья тётушка, ступайте и вы отдыхать. Я сам о нём позабочусь.

— Эх... — вздохнула госпожа Ли, поднимаясь. Она решила в ближайшие дни снова сходить в храм на горе, помолиться бодхисаттвам. Уж не разгневал ли её сын Великое божество года, что на него сыплются одни несчастья.

Когда все ушли, Ван Ин присел на край кровати и взял мужа за руку. Пальцы были ледяными, а ладонь — влажной от пота.

— Я знаю, ты не спишь. Цинсун мне всё рассказал. Не стоило тебе скрывать от меня такое...

Пальцы Чэнь Цинъяня едва заметно дрогнули, он попытался высвободить руку, но супруг лишь крепче сплёл их ладони.

— Я понимаю, как тебе тяжело. Но случившееся уже не изменить. Неужели ты позволишь чужой подлости и дальше терзать тебя?

Юноша медленно открыл глаза. Взгляд его был полон растерянности и скорби.

— Гэ-гэ, как люди могут быть такими злыми? Как можно так извращать правду и ложь? Я считал его другом, а он отплатил мне чёрной неблагодарностью.

Ван Ин не нашёлся, что ответить, и вместо этого рассказал ему старую притчу о крестьянине и змее.

— Говорят, человек по своей природе добр, но я думаю, что он по натуре своей зол. Лишь те, кто избирает путь добра, становятся людьми. Те же, кто следует злу, — всего лишь звери. Такие не знают благодарности и лишь вымещают на других свою собственную желчь.

— Но я не понимаю, — покачал головой Чэнь Цинъянь. — Когда мы только познакомились, он был совсем другим.

— Он притворялся. Такие, как он, напускают на себя вид благородства и безмятежности, но внутри давно прогнили. Он завидовал тебе: твоему происхождению, тому, что ты живёшь в чистом доме и можешь позволить себе лучшие кисти и бумагу. Денег, которые ты тратил на один обед, ему хватило бы на полмесяца простой еды. Потому он ненавидел тебя, презирал всё, что с тобой связано, и верил, что твои успехи — лишь заслуга семьи. А потом, узнав тебя ближе, он понял, что ты не только знатнее, но и благороднее душой, и даже в науках превосходишь его. Он испугался, что ты сдашь экзамены на сюэя, потом на цзюйжэня и вознесёшься к небесам, оставив его далеко позади. И тогда он пошёл на эту подлость, чтобы уничтожить тебя.

Глаза Чэнь Цинъяня покраснели, по щекам покатались обиженные слёзы.

— Теперь уже поздно что-либо говорить. Сегодня он оклеветал меня, и скоро слухи о мошенничестве на уездном экзамене расползутся по всему городу. Боюсь... боюсь, тогда никто больше не придёт учиться в нашу школу.

Ван Ин сжал его в объятиях, чувствуя, как в груди закипает ярость, готовая разорвать на куски того подлого сюца Чжана.

Из-за ранения Чэнь Цинъяня Ван Ин временно закрыл лавку и всё время проводил рядом с ним, опасаясь, как бы тот в отчаянии не наделал глупостей. В свои неполные восемнадцать лет, в том возрасте, когда гордость ценится выше жизни, он был способен на любой безрассудный поступок.

Утром, после завтрака, Ван Ин осторожно снял повязку со лба мужа, чтобы сменить лекарство. В тот день рана, залившая кровью всё лицо, выглядела пугающе, но на деле оказалась не больше ногтя. Правда, она была глубокой, и, чтобы не осталось шрама, юноша запретил ему мочить её.

— Всё ещё болит?

Чэнь Цинъянь отрицательно покачал головой.

— Скоро Новый год. Я хочу отпустить Эршуня и Дуньцзы на несколько дней домой, в деревню. Попрошу дядю Чэня присмотреть за тобой. И постарайся больше не думать о плохом.

— Угу, — глухо отозвался Чэнь Цинъянь.

Ван Ин вздохнул и направился во двор, где уже ждали работники. Он выдал им заранее приготовленное жалованье. Изначально они договаривались на сто пятьдесят вэней в месяц для Эршуня и сто для Дуньцзы, но оба работали на совесть, особенно Дуньцзы, который даже сопровождал их в поездке в уезд.

Хозяин не был скупцом. В этом году он хорошо заработал и был рад поделиться с другими. Кроме оговорённой платы, он добавил каждому по пятьсот вэней в качестве вознаграждения.

Получив тяжёлые мешочки с деньгами, юноши замерли от изумления.

— Хо-хозяин, — пролепетал Дуньцзы, — вы дали слишком много...

— Это премия. Возвращайтесь после Нового года и продолжайте работать.

— Спасибо, хозяин! — в один голос воскликнули они и повалились на колени, отбивая поклоны.

Ван Ин потёр лоб. Опять. Кажется, он начинал привыкать к этим древним церемониям.

— Вставайте, вставайте. Пока не поздно, сходите на рынок, купите что-нибудь, и тогда ещё сегодня успеете домой.

При слове «домой» лица обоих просияли. Особенно радовался Эршунь. Он впервые в жизни так надолго покинул дом и ужасно соскучился по родителям и бабушке. Нужно будет купить им на рынке подарки!

— Деньги держите при себе, — напутствовал их Ван Ин. — Под конец года на улицах полно воришек, не ровен час — вытащат кошелёк.

— Слушаемся!

— И ты, Эршунь, не трать всё бездумно, а то отец тебе задаст.

Чэнь Эршунь смущённо почесал затылок. Если бы хозяин не напомнил, он бы и забыл наказ родителей: заработанные деньги не транжирить, а копить на женитьбу.

— Ну, ступайте, — сказал юноша. У него самого были дела. Переодевшись в неприметную одежду и накинув на голову капюшон, он тихо выскользнул за ворота.

Через четверть часа Ван Ин был у ресторана «Инэкэ». В этот час в заведении было почти пусто. Он заранее заказал отдельную комнату, и слуга сразу же проводил его туда.

Вскоре за дверью послышались шаги, и в комнату вошёл крепкий мужчина с грубым, мясистым лицом. Это был Тэн Гуан, известный в городе Циншуй головорез, промышлявший драками и выбиванием долгов. Именно он когда-то отрубил палец Чэнь Цинфэну за долг игорному дому.

Позавчера Ван Ин через дядю Чэня связался с ним и договорился о встрече.

— Ты — лавочник Ван?

Ван Ин кивнул.

— Я.

Собеседник смерил его с ног до головы оценивающим взглядом, бесцеремонно отодвинул стул и сел, наливая себе чаю.

— Зачем звал?

— Нужна твоя помощь. Это аванс. — Ван Ин достал из-за пазухи десятиляновый слиток серебра и положил на стол.

Глаза Тэн Гуана округлились, он тут же потянулся за серебром. Юноша прижал его руку чайной чашкой.

— А разве не хочешь узнать, в чём дело?

Головорез поднял взгляд. В глазах заказчика было что-то мрачное, не предвещающее ничего хорошего. Убрав руку, мужчина сгрёб своё высокомерие.

— Говорите, что нужно сделать.

— Помоги мне сломать ногу вот этому человеку. — Ван Ин назвал имя и адрес сюэца Чжана. — Когда дело будет сделано, получишь ещё десять лянов. Но учти: деньги взял — работу выполни. А если нет... серебра у меня много.

Угрозу Тэн Гуан понял прекрасно. Если он не исполнит заказ, то лавочник Ван, скорее всего, наймёт кого-нибудь, чтобы сломали ногу уже ему самому.

Он заискивающе улыбнулся, и на его лице не осталось и тени бывшего пренебрежения. Спрятав серебро в карман, он заверил:

— Можете не сомневаться, господин лавочник, всё будет исполнено в лучшем виде!

— Главное, не перепутай человека.

— Хех, да вы меня недооцениваете. Если Тэн Гуан берётся за дело, он его не провалит. Вам какую ногу, левую или правую? Сломаю, как закажете.

— Всё равно. Главное, чтобы одна нога была сломана. И не убей его.

— За это не беспокойтесь. У меня рука лёгкая, меру знаю.

Ван Ин поджал губы и кивнул. Когда головорез ушёл, он залпом осушил чашку. Спина была мокрой от пота.

Одному небу было известно, чего ему, законопослушному гражданину, стоило впервые пойти на такое. Но его вынудили.

Поступок Чжан Шицю был омерзителен. Но без доказательств обращаться в суд было бесполезно. К тому же этот человек — лицемер. Кто знает, не сдаст ли он в будущем на цзюйжэня? А потом, чтобы скрыть своё тёмное прошлое, не попытается ли он навредить им снова? Тогда отбиться будет гораздо труднее.

Ван Ин не был мягкотелым. В прошлой жизни, без поддержки родителей, с пожилыми дедушкой и бабушкой, он с малых лет привык отстаивать своё место под солнцем кулаками — и в деревне, и в школе.

Его уже окунули лицом в грязь. Не ответить было бы противно его натуре.

Даже если дело раскроется, он не боялся. В худшем случае придётся раскошелиться. По законам династии У, если дело не касалось убийства, телесное наказание — битьё палками — можно было откупить деньгами. Пятьсот вэней за один удар. Несколько десятков связок монет — и ты свободен.

«Не трогай меня, и я тебя не трону. Но если тронешь, я заставлю тебя испытать то же самое!»

Последние несколько дней Чжан Шицю был не в себе. С того самого дня, как он швырнул чашку в Чэнь Цинъяня, у него не переставая дёргалось веко. Он даже не мог сосредоточиться на чтении.

Мать возилась на кухне, варила куриный суп. После того как сын сдал на сюцай, родственники вдруг стали необычайно любезны: кто приносил рис, кто — яйца, а кто-то даже притащил двух кур, чтобы будущая звезда учёного мира поправлял здоровье.

Мать Чжана была на седьмом небе от счастья и каждому встречному хвасталась, что в их семье родился сам Вэньцюйсин, что её сын теперь — почтенный сюцай, а в будущем станет цзюйжэнем и большим чиновником.

— Цю'эр, хватит читать, иди есть.

Чжан Шицю отложил книгу. Подойдя к котлу, он увидел в нём курицу и недовольно нахмурился.

— Зачем ты её сварила?

— Твоя пятая тётя принесла. Не пропадать же добру!

— Не могла продать? Купила бы мне несколько кусков тонкой ткани на новую одежду.

Мать, не обращая на него внимания, выловила кусок куриного мяса и принялась жадно его есть, чавкая на весь дом.

— Одежды и так сойдёт. Зачем тебе непременно тонкая ткань? Один чи стоит сорок вэней, на халат нужно не меньше восьми чи. Где нам взять такие деньги?

Сын вспомнил, как на поэтическом вечере Чэнь Цинъянь был одет в халат из камчатой ткани цвета морской волны. Дорогой материал, искусная вышивка с узором из бамбука... всё это говорило о немалой цене.

Зависть обожгла его, в глазах потемнело. Почему другие могут носить такую прекрасную одежду, а он вынужден довольствоваться одним-единственным приличным нарядом?! Он даже в уездной школе боялся его испачкать, чтобы не пришлось переодеваться в залатанное тряпье и терпеть насмешки.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее закипал от злости. Взмахнув рукавами, он выбежал из дома.

— Не хочешь есть? Как знаешь! Не оставлю, — пробурчала ему вслед женщина, с жадностью набрасываясь на еду, словно голодный дух, боящийся, что у него отнимут добычу.

Выйдя из дома, Чжан Шицю направился к своему новому знакомому. Этот человек по фамилии Лу тоже был книжником, на несколько лет старше его, но ещё не сдавшим даже на туншэна.

Семья Лу была зажиточной, а сам Лу Чанъянь любил окружать себя учёными людьми. Познакомившись с сюцаем, он был покорён его знаниями и считал его своим лучшим другом.

Услышав, что тот пришёл с визитом, хозяин дома лично вышел его встречать.

— Брат Шицю, ты пришёл!

— Приветствую тебя, брат Лу.

— Проходи, проходи! — Лу Чанъянь повёл его в главную залу и велел слугам принести лучший чай. — На днях мне досталось несколько лянов превосходного маоцзяня. Когда будешь уходить, возьми немного с собой.

— Что ты, как можно. Я совсем не разбираюсь в чае. Это всё равно что играть на лютне перед быком — только зря переводить такой хороший продукт.

— Думаешь, я большой знаток? — рассмеялся Лу Чанъань. — Пью ради удовольствия.

Гость больше не отказывался, втайне радуясь. Чай стоил недёшево, можно будет заложить его в ломбарде и получить немного денег.

— Я пришёл сегодня не просто так, у меня случилось одно дело...

Заметив, что брови гостя сдвинуты, а на лице лежит тень, хозяин дома встревожился:

— Что случилось?

— Брат Лу, ты знаешь Чэнь Цинъяня, старшего сына семьи Чэнь?

— Конечно. Моя матушка дружит с его матушкой, они часто вместе ходят в горы молиться.

— А ты знаешь, почему он больше не участвует в экзаменах?

— Нет. Я слышал, он заболел после прошлогодних экзаменов и только недавно поправился.

Чжан Шицю презрительно хмыкнул.

— Какая ещё болезнь! Его поймали на мошенничестве и лишили права сдавать экзамены. Теперь ему просто стыдно людям на глаза показываться!

— Что?! Не может быть!

<http://bllate.org/book/15812/1436074>